Ольга АСТАФЬЕВА

Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия

СТРАТЕГИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ И МНОГООБРАЗИЕ ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Социокультурные проблемы определяют облик XXI века. Практические последствия «безобидных» теорий дегуманизации мира природы и мира культуры, в истекшем столетии с настойчивостью внедряемых в сознание людей, обнажили картину «растущей пустыни» обесчеловеченного мира, сделали их острейшей темой для обсуждения и фактором расширения поисков научного обоснования культуры. Культуры как единства с определенной смысловой организацией всех ее элементов [Свастьян, 2010. С. 237–239]. При этом даже известные исследователи, обращаясь к конкретному материалу, говорят о формах общественной активности, которые нуждаются в обновлении на всех уровнях социума и переходе к гражданскому обществу, горизонтальной легитимности. Суть происходящего ныне такова, что разные силы «выталкивают» экономическую, экологическую, демократическую системы за рамки границ национального государства. Вопрос о взаимодействии государственного сектора, бизнеса и гражданского общества становится центральным при выборе стратегии развития и связывается именно с освоением новых форм легитимности, свойственных демократии и базирующихся на критериях участия, понимания и общественного блага [Ришар, 2006. С. 194].

Возвращение к гуманитарному измерению достижений и рисков эпохи позволяет прогнозировать траекторию развития мирового сообщества с его ориентациями на укрепление неэкономических факторов, сдерживающих проявления цивилизационного кризиса. Реагируя на глобальные изменения, Россия также стремится сохранять созидаемое в течение многих веков богатство национальной культуры во всем многообразии ее нравственных, эстетических, художественных проявлений, создавать условия для творческой самореализации всех граждан, проживающих в разных регионах страны. Тем самым – сформировать современную доступную культурную среду, соответствующую достижениям современной цивилизации и открывающую перспективы развития для каждого человека. Эти базовые, конституционно закрепленные принципы составляют ядро модели культурной политики, которая в течение последних десятилетий является предметом острых дебатов в политических, научных, экспертных кругах, но так и не получила своей концептуально завершенной формы.

Сложившаяся ситуация накладывает отпечаток на все процессы, происходящие в стране – связаны ли они с проблемами общей культуры населения и влиянием этого фактора на темпы и качество экономических показателей; с низким уровнем финансирования сферы культуры в сельских поселениях

Ольга Астафьева, доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82). E-mail: onastafieva@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается необходимость теоретических процедур для разработки модели культурной политики России. Раскрывается специфика концептуального прогнозирования и категоризации, аксиологической и семантической интерпретации, моделирования образа современной российской культуры; выявляется их значение для обоснования стратегии культурной политики. Подчеркивается особая роль государства как субъекта культурной политики и определяются зоны ответственности за согласование интересов разных групп и слоев общества, за оценку возможностей их влияния на общественное развитие и гражданскую консолидацию. По мнению автора, коррекция уровня высоких идей и практико ориентированных действий направлена на построение эффективной модели культурной политики, адекватной горизонтам современной цивилизации. Среди стратегических целей культурной политики называются: вовлечение населения в активную культурную жизнь, формирование единого культурного пространства, укрепление коллективной идентичности, обеспечение культурных прав и условий для становления инклюзивного солидарного общества и др.

Ключевые слова: культурная политика, стратегия развития, концептуализация, интерпретация ценностей и смыслов, образ культуры, культурные практики.

и муниципальных районах, во многом предопределяющих продолжающуюся внутреннюю миграцию и недопустимо медленные темпы преодоления «демографических ловушек». При существующих показателях качества жизни не удается переломить тенденцию привыкания населения к самоограничению в потреблении и падения интереса к активному участию в созидании культурных ценностей.

В сложившейся ситуации вопрос об ответственности за выбор стратегии социально-культурного развития России, путей и методов достижения этих целей, об определении приоритетов культурной политики как на ближайшее время, так и на перспективу, способно взять на себя лишь государство при обязательном условии учета интересов всех групп и слоев общества. Исходя из этого, центральной проблемой сегодня является согласование интересов субъектов культурной политики и оценка возможностей их влияния на общественное развитие и гражданскую консолидацию.

Собственно говоря, возникает та самая проблема горизонтальной легитимности, когда нужно перестраивать мышление, ориентируясь на участие многих субъектов в регулировании социокультурных процессов, на отказ от устаревших форм измерения результативности управленческой деятельности в художественно-творческой сфере по количественному принципу. Ведь даже создание условий и стимулов, позволяющих реально «запустить» начавшиеся изменения – это только один из механизмов, влияющих на выбор инновационного направления социокультурных преобразований. Однако обращение именно к нему позволяет интенсифицировать управленческие действия и разорвать узел кризисных проблем. Не секрет, что немало сомнений вызывает сегодня готовность управленческой элиты в социокультурной сфере принять ориентации на инновационное развитие, поэтому «инвестиционный прорыв», закрепленный через конкретизацию задач на этом этапе модернизации культурной среды более всего оказался соответствующим общей стратегии развития России[1]. Тем не менее, инновационный поворот возможен лишь в том случае, когда подобное понимание желательной направленности общественных изменений получит системное обоснование и устойчивую динамику внедрения.

Концептуально пока четко не зафиксированные, но вербально обозначаемые в текстах и выступлениях цели – переориентация внимания общества на смыслы преобразований, на преодоление региональных диспропорций, признаются не только специалистами, анализирующими показатели состояния инфраструктуры культуры в субъектах Российской Федерации. Они очевидны для всего населения страны без какой-либо сравнительной статистики. Достаточно не на сотню, а только на несколько десятков километров отъехать от районного центра, чтобы оказаться в другой повседневной культуре. А все более увеличивающиеся разрывы между социокультурной средой малых городов и мегаполисов?

Это межведомственные по своей сути проблемы, решение которых включено в стратегии социального развития и свидетельствует об ориентациях государства на преодоление узкоотраслевого подхода к культуре. Тем не менее, в силу существующей специфики системы управления, эти задачи переводятся на язык конкретных ведомственных решений, тем самым обеспечивая условия для контроля и проверки, общественной оценки эффективности и результативности действий органов власти. К примеру, в выше упомянутом Указе Президента Российской Федерации были предложены две линии в модернизации культурной среды – путем укрепления инфраструктуры за счет внедрения новых форм, форматов и практик культуры, управленческих инноваций, таких, как создание передвижных фондов ведущих российских музеев к 2018 году – 27 виртуальных музеев, увеличения в два раза количества выставочных проектов и открытия в малых городах не менее пяти центров культурного развития[2]. И иная линия модернизационных преобразований – вклад в развитие человеческого капитала – увеличение к 2015 году до четырех тысяч количества государственных стипендий для выдающихся деятелей культуры и искусства, а также молодых талантливых авторов; расширение мер для выявления и поддержки юных талантов и увеличение их числа до 8% (от общего количества детей), что, несомненно, послужит началом серьезных преобразований в кадровой политике.

Согласимся, однако, что не менее остро стоят и другие значимые, хотя и разномасштабные проблемы. Среди них:

- вовлечение населения в активную культурную жизнь и процессы творческой самореализации людей, независимо от места их проживания;
- формирование единого культурного пространства, скрепленного системой общих духовных ценностей;
- укрепление коллективной идентичности, опирающейся на приоритеты гражданской и национальной идентичности;
- повышение уровня общей культуры населения

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» //, Российская газета. 2012. 9 мая. Столичный выпуск 5775.

[2] Примечание: Минкультуры России по результатам конкурсного отбора городов, предлагаемых субъектами Российской Федерации к размещению многофункциональных культурных центров (МФКЦ), выбрало 10 малых городов, где будут построены эти центры // http://mkrf.ru/deyatelnost/mfkc/detail.php?ID=269293

как пронизывающего все сферы деятельности человека базового фактора, меняющего отношение к деловой активности, стиль жизни людей, обеспечивающего снижение давления жестких рамок традиционализма и «ментальной зависимости».

Не будем в данном случае спорить с социологами, утверждающими, что от готовности общества к изменениям, от сложившейся системы институтов и социальных отношений зависят перспективы модернизации [Аналитический доклад..., 2010]. Однако констатация ими «культурного кризиса» и «ценностного межпоколенного конфликта» в нашей стране подтверждает, что постановка и решение задач стратегического уровня не представляется возможной без концептуального видения модели культурной политики в целом. Сегодня в нее включаются также и другие вопросы:

- укрепление принципов солидарного общества и межкультурного диалога;
- обеспечение культурных прав и условий для продвижения в направлении инклюзивного общества;
- успешное внедрение новых форм творческого самовыражения;
- создание здоровой конкурентной среды в области художественного образования и исполнительской практики;
- развитие системы охраны интеллектуальной собственности и совершенствования авторского права;
- и многие другие.

Их решение может примирить далеко не близкие по мировоззренческой и идеологической составляющей политические подходы к разработке концепции культурной политики, если рассматривать их как долговременные инвестиции в развитие человека и реализацию его прав в культуре, вытекающих из принципов демократии и гражданского общества.

Заметим, что формы закрепления этих принципов в механизмах и методах проведения культурной политики явно требуют совершенствования и дополнения с учетом постоянных изменений в обществе. Об этом говорили многие участники заседания Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, где обсуждался план основных мероприятий в 2014 году по проведению в Российской Федерации Года культуры[3]. По мнению выступающих, точно избранная стратегия способствует эффективной реализации определенной модели, которая как лакмусовая бумажка проявляет ее подлинную сущность и раскрывает скрытые цели, или цели, не всегда открыто декларируемые.

Обратим внимание на то, что узловым перекрестком для выбора региональных стратегий становится необходимость соотнесения двух ведущих тенденций – на усложнение и дифференциацию культуры как сферы самореализации человека, с одной стороны; и преодоление диспропорций, растущего разрыва между смелыми инновациями, культурными ориентирами и состоянием духовно-нравственных потребностей в разных слоях российского общества – с другой.

Возвращаясь к вопросу о значимости не только операционального управления, своевременного принятия решений, диагностики, мониторинга, контроля, но и разработки теории культурной политики, связываемой нами с процедурами концептуального прогнозирования и аксиологической и семантической интерпретации, подчеркнем их значение для обоснования стратегии культурной политики, благодаря чему она приобретает характеристику репрезентативности, а заложенные в ней смыслы совпадают с их референцией.

В последнее время в представлениях о культурной политике наметилась тенденция замещения государственного дискурса с его целями номинации и обозначения социально значимых процессов на интенции и интересы индивидуальных представителей разных уровней системы управления, носителей разных статусов и компетенций, влияющих на ценностные иерархии и границы. С одной стороны, для демократического государства свобода проявления многообразия подходов к пониманию социокультурных процессов закономерна. Однако, с другой стороны, государство не может упускать из вида и то обстоятельство, что множество разрозненных культурных текстов предполагает наличие особых условий для их сосуществования и не исключает внутренних конфликтов. В равной степени, как и наличие общей концепции культурной политики не гарантирует устойчивости социокультурного развития.

Отсюда вытекает необходимость экспертизы культурной политики разных субъектов (государства, художников-творцов, экспертов, бизнеса, общественных и политических институтов, средств массовой информации) и проведение моделирующей интерпретации. Что стоит за этими процедурами и чего нельзя не учитывать в нынешней конкретной ситуации?

Прежде всего то, что основной целью культурной политики государства является согласование интересов (выраженных через частные интересы множества индивидов и социальных групп) с общенациональными интересами, а результатом такого согласования могут стать как институциональные преобразования, так и метаязык, система объектов, более того – появление новой модели культурной политики, синтезирующей (либо вбирающей) альтернативные представления о культуре и ее роли в

---

[3] Указ Президента Российской Федерации от 22 апреля 2013 года № 375 «О проведении в Российской Федерации Года культуры» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. 29 апреля. № 17.

развитии общества. Поддерживая креативные идеи, инновационные социальные решения, те или иные культурные проекты или программы, наделенные конкретным ценностно-смысловым содержанием, государство укрепляет свою полицелостность и сложную цивилизационно-культурную идентичность.

В данном случае необходимо признать, что механизмами культурной политики определяются не только реальные практические действия, но и осуществляется моделирование образа современной российской культуры, который динамично меняется под воздействием обновленной культурной среды.

ОБРАЗ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ: СМЫСЛОВЫЕ КОНСТАНТЫ

Образ культуры – это обобщенное представление о состоянии жизненного пространства, способах бытия и стиля поведения, сложившееся в индивидуальном представлении каждого человека, социальной группы, общества, вбирающее переработанные сознанием людей очевидные и только намечающиеся противоречия или проявления кризиса в социокультурной реальности, разрывающие систему сложившихся нравственных императивов. На основе этого образа формируются новые культурные практики и альтернативные модели освоения мира, предлагаются способы реализации жизненных целей и стратегий.

Культура – это не лозунги и не призывы, подчеркивал известный отечественный психолог Л.С. Выготский. Культура – это репрезентирующие фундаментальные смыслы человеческой жизнедеятельности когнитивные образования, выстраивающие ценностные иерархии. Вытекающая из такого понимания взаимозависимость между полнотой образа культуры, представляемым человеком, и уровнем его интеллектуального и нравственного развития, во многом объясняет различия в освоении людьми разных форм жизнедеятельности, открытость к изменениям или неспособность использовать имеющийся модернизационный потенциал. Ведь если исходить из того, что образом культуры наполняются «модели как наиболее общие для групп субъектов культурные схемы, призванные интерпретировать текст и управлять поведением в широком поле областей» [Режабек, Филатова. 2010. С. 49], то выстраивается очевидная зависимость: чем беднее этот образ, тем примитивнее отношения в обществе и маргинальнее среда.

Вопрос о культурной модели – как одной из целей культурной политики – актуализирует широкий круг проблем, связанных с институциональными механизмами ее формирования, акцентируя наше внимание на сложнейшей задаче определения оптимального соотношения свободы, творческой реализации человека и самоорганизации людей с системой государственного управления, исходя из принципа «цивилизованного, рационального и гуманистического способа взаимодействия людей с их участием», превращающим управление в самостоятельный механизм жизнедеятельности. Говоря о необходимости внедрения этого типа инновационного управления в современный период общественного развития, С.А. Кравченко подчеркивает, что оно «не должно подавлять самоорганизацию и не потворствовать ее девиантной направленности, а всемерно развивать общественно значимую самоорганизацию» [Кравченко, 2012. С. 222]. В ином случае усиление неопределенности и возрастание опасности расширения социокультурных рисков и ослабления адаптационных механизмов разных слоев общества к динамике изменений может привести к производству новых маргинальных групп в российском обществе.

Исходя из этого, общественный запрос на образ культуры и культурные модели, им соответствующие, также включается в концепцию культурной политики. Им стимулируется поиск «скоординируемой схематизации» для преодоления интерпретационных барьеров, позволяющий адекватно трактовать значение образов культуры разных социальных групп. Эту функцию может выполнить государство – субъект культурной политики, заинтересованный в реализации больших социальных проектов, соответствующих современному уровню культурно-цивилизационного развития. В данном случае самые серьезные риски связываются с ошибочными односторонними выводами и оценками относительно социальной и духовной инертности и конформизма, либо чрезмерной креативности и инновационности разных групп и слоев.

Безусловно, как показывают социологические исследования, серьезные изменения в жизни российского общества привели к изменению культурной модели: с одной стороны, констатируется незначительный, но все же, рост активности, целеустремленности и инициативности, с другой – динамика распространения в обществе агрессивности, цинизма, недоброжелательности. Снижение патриотичности, трудолюбия и ответственности за семью становятся культурной нормой [Аналитический доклад..., 2012. С. 27–28].

Возьмем на себя смелость сделать вывод о разрыве между существующими идеальными и реальными образами культуры в российском обществе. Прежде всего, вследствие отсутствия соответствующего принципам демократии интерактивного смыслового пространства культуры, определяемого наличием некой общей когнитивной ориентации, проецируемой инструментами государственной культурной политики, которая и воплощается в разных формах и культурных моделях. Согласование конвенциональных моделей и их вариаций является необходимым условием для продолжения регенерации интерсубъективных значимых систем из практики [Режабек, Филатова, 2010. С. 149]. Среди субъектов культурной политики

государство располагает самой развернутой системой коммуникаций, обеспечивающей возможности как для индивидуального смыслотворчества, так и условия для воспроизводства опыта членами сообщества [Режабек, Филатова, 2010. С. 149]. В свою очередь, общий образ культуры как результат конвенциональных репрезентаций способен стимулировать персональные мотивации для творческой самореализации в социальной реальности.

Подобный сплав коллективного и индивидуального осмысления, встраиваемый посредством упорядочения в определенных когнитивных моделях в систему ценностно-смысловых оснований культурной политики позволяет уже сегодня оформлять концепцию и представлять ее обществу. На наш взгляд, это должно стать результатом совместной деятельности ученых и экспертов. Участие профессиональных политиков и деятелей культуры в этом процессе является важным звеном. С одной стороны, обеспечивающим творческую интерпретацию социокультурной реальности, коллективного опыта и традиции, достижение концептуальной категоризации, когда совершается перевод перцептивных и эмпирических данных на логико-понятийный уровень. С другой – стимулирующим действия властей, отстающих в инновационном развитии регионов; путь от признания значимости культуры – к открытию доступа к дополнительному финансированию. Такой коммуникативный подход является востребованным и результативным в ситуации множественности культур и социокультурного разнообразия, открытости к интеграции в глобализирующемся мире. Он позволяет акторам культурной политики на разных уровнях предлагать концептуальные константы и ценностные ориентиры, позиционировать обществу культурные эталоны, формировать предпочтения и пространства для творческой самореализации. На управленческом уровне – «конструировать» структурно-функциональные схемы их реализации и перспективные сценарии (в том числе, «дорожные карты»), инициируя проявление инициативы и вариативности, появления альтернативности в потоке бесконечных изменений.

На наш взгляд, исходя из этого нецелесообразно (более того, непрактично и даже опасно) для последующего развития социокультурных процессов отказываться от фундаментальных концептуализаций (зачастую ошибочно определяемых как «абстрактные тексты»), поскольку эта процедура служит не только точкой отсчета для становления теории культурной политики, но и началом перехода от «эффективного менеджмента» (порой весьма механистично трактуемого и технологизированного) к «креативному» управлению на научной основе, не исключающему спонтанных и интуитивных проявлений, свидетельствующих о закреплении принципов новой рациональности в гуманитарном мышлении.

Таким образом, формирование образа культуры и культурной модели включается в целевой блок культурной политики, являясь частью «ценностной экспертизы» в процедуре концептуализации культурной политики. «Ценностная экспертиза» касается уровня посылок и установок, от которых отправляется деятельность, направленная на реализацию культурной политики. «Духовно ориентированное социальное сознание не может и не должно игнорировать подобную “ценностную экспертизу” и призвано ориентироваться на ее результаты. В осмыслении ее результатов и принятии соответствующего руководства к действию и заключается важнейший механизм связи нравственного и рационального сознания в культуре нашего времени» [Швырев, 2003. С. 47]. Подобная коррекция уровня высоких идей и практико ориентированных установок на эффективность направлена на построение масштабной модели культурной политики, адекватной горизонтам современной цивилизации.

Как подчеркивалось, за решение подобных задач способны браться творческие коллективы ученых и экспертов, включающие культурологов, экономистов, политологов, социологов, опирающихся на современные теории и методологию, анализирующих проблемы как на фундаментальном, так и на прикладном уровнях, тем самым адекватно отвечая на вызовы времени. На наш взгляд, применительно к культурной политике, междисциплинарный подход позволяет переосмысливать базовые категории в контексте социальных и культурных изменений современного мира.

Конечно, переходные состояния всегда сопровождаются серьезными трансформациями, которые приводят либо к масштабным позитивным, либо к неопределенным в ближайшей перспективе изменениям. Они требуют реагирования со стороны сообщества, поскольку становятся для него проблемой. Как показывает опыт, если отсутствует научное прогнозирование, анализ экспертной информации, мониторинг и другие процедуры, являющиеся частью процесса подготовки для принятия инновационных и нестандартных решений, то процесс «управления неопределенностью» считается ресурсно не обеспеченным и обреченным на неудачу. Открытость и прозрачность повышают уровень уверенности в преодолении кризисных ситуаций и изменяют отношение и к научно-экспертной, и к управленческой деятельности, как основанным на ответственности за своевременное определение степени риска и результата разработки и реализации модели культурной политики.

ОТ ТЕОРИИ К КУЛЬТУРНЫМ ПРАКТИКАМ: СТРАТЕГИИ ПЕРЕХОДА

Путь от теории культурной политики к культурным практикам лежит через дискурсы, формирующие образы и культурные модели, и это является частью стратегии, ориентированной на будущее, в разработке которой заинтересовано государство. В отличие от стратегий других субъектов культурной политики, ее

значимость коренится в основаниях на ценностях и смыслах, нацеленных на позитивный результат деятельности этого коллективного субъекта. В данном контексте речь идет о широком понимании культуры, когда культура рассматривается как ресурсный источник устойчивого развития территорий, что позволяет высоко оценивать ее творческий потенциал в создании новых достижений во всех областях человеческой деятельности, проявляющийся в стратегии, ориентированной на внедрение инновационных способов, технологий и практик.

Такая стратегия инновационной модели культурной политики отвечает вхождению страны в нынешний модернизационный этап. Напомним, при ее концептуальном обосновании в разных регионах России, включающихся в общий процесс преобразований, проводился экспертный анализ достижений и просчетов предыдущего этапа развития, результатом которого стали «дорожные карты». Их своевременность позволила снизить, а в ряде случаев и предотвратить опасность нарастания кризисных ситуаций в социокультурной сфере. Общеизвестны примеры ориентации исключительно на «амбициозные инновационные проекты», активно поддержанные региональными властями, игнорирование мониторинга и системы оценки эффективности, выбор ошибочных приоритетов, потребовавших длительных по времени моральных компенсаций для возврата доверия населения к внедрению каких-либо новаций.

На наш взгляд, на важном этапе перехода даже от интересной и теоретически обоснованной идеи к практическому воплощению очень сложно достичь быстрого синергетического эффекта воздействия на социокультурную среду: когда хотя бы незначительные позитивные изменения примут устойчивый вектор, тогда и общественному сознанию откроются заложенные в концепции смыслы. Кроме того, потенциал стратегии региональной культурной политики и ее эффективность проявляются в социокультурной среде при условии серьезной предварительной работы по созданию:

а) пространства открытой коммуникации для всех акторов культурной политики, закрепление базовых принципов осмысления и достижения когерентности (согласованности) в их действиях;

б) команды творческих исполнителей, обученных инновационным управленческим технологиям, обладающих компетенциями в сфере изменения механизмов и инструментов реализации на всех организационно-структурных уровнях;

в) реальных возможностей проведения общественной и профессиональной экспертизы для оппонирования стратегии со стороны других акторов – носителей экспертного знания, политических идеологий и идей общественных организаций и средств массовой информации.

Успешность реализации модели культурной политики (подобно другим моделям – образовательной, молодежной, информационной и др.) связана с открытым и грамотным распределением в дискурсном поле проблем, ответов и возможных решений со стороны власти. И как симметричное условие – активное участие региональных сообществ, способных критически осмыслить эти дискурсы; экспертов-профессионалов, участвующих в процессе проблематизации и интерпретации идей, а не только в создании «благоприятных режимов одобрения».

В качестве условия эффективности любой стратегии Дж. Малганом называется широкое общественное участие в осознании личной заинтересованности, а также ориентированных на творческий подход к идеям и решениям задач группы, выявляющие угрозы и риски. Показательно, что в состав этих групп он не рекомендует включать «оторванных от повседневной жизни и текущих событий кабинетных специалистов, погруженных в мир сухих схем» [Малган, 2011. С. 13], называя их «публичным интерфейсом» для различных социальных групп общества [Малган, 2011. С. 14].

Вообще, для реализации стратегии культурной политики необходимо эффективное лидерство с положительной репутацией, что включает в себя обладание не только профессиональными компетенциями, но и личными качествами – честностью и открытостью. Для работы с общественным сознанием и культурным полем ценностей и смыслов значение личности региональных лидеров подчас определяющее.

Как показывает анализ культурных практик, пренебрежение одним из названных условий, механическое перенесение принципов менеджмента из других сфер в сферу культуры увеличивает издержки и способно привести к смене позитивной направленности стратегии на негативную. В случае же успешности процесса реализации стратегии, как подмечено Дж. Малганом, когда правильно сконцентрированы усилия всех акторов, напротив, открываются возможности влияния на государственную политику, вплоть до своевременного обновления правительств, склонных к застою [Малган, 2011. С. 13].

В данном контексте понятие «застой» в равной степени может быть отнесено не только к воспроизводству «устаревших» практик (основных характеристик длительное время воспроизводящейся модели культурной политики), но и к динамично насыщаемой новациями, но декларируемой и распространяющейся как канон суперсовременной модели культурной политики, поскольку это также способно сдерживать динамику преобразований и снижать уровень культурного разнообразия среды.

Таким образом, инновационный вектор в стратегиях региональной культурной политики задается социокультурными изменениями с учетом национального менталитета, культурных кодов, социальной памяти как способности реагирования на нестандарт-

ные ситуации, возникающие в период их реализации[4]. Речь не идет о субъектах культурной политики, декларирующих свою ориентацию исключительно на поддержку инновационных проектов в ущерб традиционным практикам, объявляемым неэффективными и устаревшими. Общеизвестно, что каждое поколение начинает освоение культуры через принятие социального опыта и созидание благодаря этому новых артефактов культуры, обновление технологий сохранения и практик распространения культурных ценностей. Потребности в творческом подходе к использованию ресурсов сферы культуры велики – в стране появился новый потребитель, пытающийся, с одной стороны, подражать вкусам новой элиты, с другой – заявляющий о своих правах на расширение культурных интересов и потребностей, на свободу интерпретации. Поэтому конкуренция ценностей и возникающие разногласия относительно идеалов и целей в периоды таких изменений выводят на поверхность базовые этические вопросы о свободе коммуникаций, об ответственности за социальные последствия действий по модернизации культурной среды, стимулируют рефлексию и гуманистическую реакцию на преобразования, повышают внимание к правам человека и уважение к личности. Как носителя демократической системы ценностей, опирающейся на определенные принципы и представления об идеалах, этого потребителя уже не удовлетворяют сложившиеся традиции и культурные практики. Поэтому культурная среда как условие бытия и совершенствования человека становится особым объектом внимания властей и предметом социокультурного проектирования.

Стабильный интерес к роли культуры в территориальном развитии, демонстрируемый на протяжении последнего десятилетия в российских регионах – показатель поворота культурной политики к проблемам качества жизненной среды, повышения уровня развития человеческого капитала и укрепления культурного разнообразия. Эти цели являются наиболее актуальными для всего человечества и обозначены в «Повестке дня на XXI век», провозглашенной Организацией Объединенных Наций как новый этап устойчивого развития. В этих условиях проблемы культурной политики становятся проблемами глобального масштаба, поскольку поднимают вопросы общественного статуса культуры, признания ее мощного интеграционного потенциала социума. Такой культурологический дискурс все чаще получает одобрение со стороны российского общества.

Обсуждение этих проблем сегодня уже не может вестись только на теоретическом уровне, поскольку их социально-практическая значимость в условиях глобализации очевидна и продиктована потребностями в распространении стратегии диалога как парадигмы мышления, позволяющей видеть мир в его целостности и одновременно культурной разнородности.

Российские регионы в последнее десятилетие демонстрируют острое желание «переформатировать» отношение к культуре, отказавшись от старой схемы – оценивать культуру как культурно-досуговую сферу обслуживания населения, воспринимать культуру как импульс к обновлению территориальных ландшафтов. Серьезные проекты – Международный культурный форум в Республике Хакасия «Историко-культурное наследие как ресурс устойчивого развития территории» (2011 год, 2012 год, 2013 год), ориентированный на комплексную идею взаимосвязи культурного наследия, экономики и экологии; Международный конгресс – 2011 «Культура как ресурс модернизации», Международный форум – 2012 «Культура и развитие», Международный форум – 2013 «Культура нового поколения» в Ульяновске – известные в России и за рубежом экспертные дискуссионные площадки, сверяющие векторы региональных моделей культурной политики [Историко-культурное наследие, 2013; Международный культурный форум, 2013]. Санкт-Петербургский культурный форум репрезентирует поиск стратегий на успешное согласование общенациональных и региональных целей культурной политики посредством обращения к различным практикам организации и регулирования социокультурных процессов, тесную взаимосвязь между культурой и развитием территорий. Перспективными представляются концепции Арктических культурных форумов в Ямало-Ненецком автономном округе, Арктическом форуме в Республике Саха (Якутия) в 2014 году. Устойчивую тенденцию на разработку инновационных практик демонстрирует Архангельская область.

Обращение региональных систем управления к ресурсам культуры в контексте идей преодоления цивилизационных противоречий и вызовов глобализации формирует устойчивый культурологический дискурс, отвечающий Году культуры в Российской Федерации, в котором все настойчивее обосновывается потребность в укреплении законодательства, в переоценке значимости культуры для территориального развития.

Литература

Аналитический доклад «Готово ли российское общество к модернизации», подготовленный Институтом социологии РАН совместно с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М.: ИС РАН. 2010. 179 с.

Аналитический доклад «О чем мечтают россияне (размышления социологов)». М.: Институт социологии РАН. 2012.

Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»//http://base.garant.ru/194365/

развития: сборник статей I и II Международных форумов 2011–2012 гг. / Под ред. Ю.А. Лапшина и И.Г. Смолиной. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2013. 156 с.

Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности: монография. М.: Изд-во МГИМО-Университет. 2012. 306 с.

Малган Д. Искусство государственной стратегии. Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Пер. с англ Ю. Калтуренского. М.: Изд. Института Гайдара. 2011. 470 с.

Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнерство, развитие (сборник информационных и аналитических материалов) / Под общ. ред. Астафьевой О.Н. Ульяновск. 2013.

Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя. 2010. 316 с.

Ришар Ж.–Ф. На переломе: Двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение/ Пер. с англ. Мисюченко. М.: Ладомир, 2006. 240 с.

Свастьян К.А. Философия символических форм Э.Кассирера. Критический анализ. 2-е изд. М.: Академический проект; Альма Матер. 2010. 246 с.

Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиции и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С.174.

THEORY AND PRACTICE OF CULTURAL POLICY: SENSES – IMAGES – ACTIONS

Olga Astafyeva, Doctor (Philosophy), professor, Director of the Scientific-Educational Centre "Civil society and social communications", deputy head of the chair of UNESCO, under the International Institute of Government Service and Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Governmental Cultural Policy Board under the Council of the Federation Assembly of the Russian Federation (82, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: onastafieva@mail.ru

Summary: The article articulates on the necessity of theoretical procedures for the development of a cultural policy model in Russia. It clarifies the specificity of conceptual forecasting and categorization, the axiological and semantic interpretation in modeling an image of contemporary Russian culture and demonstrates the significance of these procedures, on the topic of establishing, a strategic base in cultural policy. The author emphasizes the special role of the government as a cultural policy tool, defines its responsibility and influence in the coordination of the interests of diversified and different social groups, appraising various possibilities and their prospective influence upon social development and civil consolidation. It predicates supposed corrections of elevated and formidable ideas and of practical oriented actions, aimed at constructing an effective cultural policy model appropriate, to the realm of contemporary civilization. It expounds, that among the strategic cultural policy purposes there is the need of public involvement into the active cultural life, a forming of common cultural space, the strengthening of a collective identity, the securing of cultural rights and the conditions of forming an inclusive solitary society and so on.

Keywords: cultural policy, development strategy, conceptualization, interpretation of values and senses, cultural image, cultural practices

References

Analiticheskii doklad «Gotovo li rossiiskoe obshchestvo k modernizatsii», podgotovlennyi Institutom sotsiologii RAN sovmestno v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridrikha Eberta v Rossiiskoi Federatsii [Analytical report «Russian society towards modernization», prepared jointly by the Institute of Sociology in cooperation with the Office of the Friedrich Ebert Foundation in the Russian Federation]. Moscow: IS RAN, 2010, 179 p.

Analiticheskii doklad «O chem mechtaiut rossiiane (razmyshleniia sotsiologov)» [Analytical report «What Russians Dream (Reflections of sociologists).»]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2012.

Istoriko-kul'turnoe nasledie kak resurs sotsiokul'turnogo razvitiia: sbornik statei I i II Mezhdunarodnykh forumov 2011-2012 [Historical and cultural heritage as a resource for social and cultural development: a collection of articles I and II of the International Forum 2011-2012.] / Pod red. Iu.A. Lapshina i I.G. Smolinoi. Abakan: Khakasskiy gosudarstvenniy universitet im. N.F. Katanova publ, 2013, 156 p.

Kravchenko S.A. Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniiu gumanisticheskoi teorii slozhnosti: monografiia [Kravchenko S.A. The formation of a complex society: the justification of the humanistic theory of complexity: a monograph]. Moscow: MGIMO-Universitet publ, 2012, 306 p.

Malgan D. Iskusstvo gosudarstvennoi strategii. Mobilizatsiia vlasti i znaniia vo imia vseobshchego blaga [Malgan J. The art of Sate strategy. Mobilization of power and knowledge for the common good]/ Per. s angl Iu. Kalturenskogo. Moscow: Institut Gaidara publ, 2011, 470 p.

Mezhdunarodnyi kul'turnyi forum v Ul'ianovske: initsiativa, partnerstvo, razvitie (sbornik informatsionnykh i analiticheskikh materialov) [International Cultural Forum in Ulyanovsk: initiative, partnership development (information and analytical materials)]/ Pod obshch. red. Astaf'evoi O.N. Ul'ianovsk, 2013.

Rezhabek E.Ia., Filatova A.A. Kognitivnaia kul'turologiia [Rezhabek E.Ya. Filatova A.A. Cognitive Cultural Studies]. St.Peterburg: Aleteiia, 2010, 316 p.

Rishar Zh.–F. Na perelome: Dvadtsat' global'nykh problem – dvadtsat' let na ikh reshenie [Richard J.F. The fracture of twenty global problems - twenty years of decisions]/ Per. s angl. Misiuchenko. Moscow: Ladomir, 2006, 240 p.

Svast'ian K.A. Filosofiia simvolicheskikh form E.Kassirera. Kriticheskii analiz [Svastyan K.A. The philosophy of symbolic forms E.Kassirera. Critique]. 2-e izd. Moscow: Akademicheskii proekt; Al'ma Mater, 2010, 246 p.

Shvyrev V.S. Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury: traditsii i sovremennost'[Shvirev V.S. Rationality as the value of culture: tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiia publ., 2003, 174 p.